

Путь через переход, соединяющий главный зал с внутренними покоями, Лу Силай проделывал бесщётное количество раз, но никогда ещё это короткое расстояние не казалось ему таким пугающим. Повсюду лежали тела — и не разобрать, кто защитник, а кто мятежник. В голову лезли дурные мысли: а вдруг и Янь Шэнь сейчас там, среди мёртвых? От этих образов у Силая защипало в глазах, а сердце предательски сжалось.

В коридоре, кроме их группы, не было ни одной живой души. Двое рослых стражников, тащивших Лу Силая, явно нервничали: они то и дело затравленно озирались, не выпуская рукоятей мечей. Следовавший за ними Ван Чэн тоже обнажил клинок, настороженно вглядываясь в каждый угол.

Лу Силай не совсем понимал их страх. Если верить словам тюремщика, ситуация должна была складываться в пользу принца, так чего же они боятся?

Размышляя об этом, Силай продолжал вертеть головой, как вдруг до его слуха донеслись три едва уловимых свиста — резких, точно росчерки бритвы по воздуху. Годы скитаний по миру боевых искусств не прошли даром: пусть Силай и растерял свои навыки, но его слух остался прежним — острым и чутким. Когда он вскинул голову, слева и сзади раздались два тихих хлопка, похожих на звук разрываемого шёлка. Силай мгновенно понял, что это значит. Третий «свист» был направлен не в него, а...

В долю секунды Лу Силай, повинувшись инстинкту, рванул назад.

Ван Чэн, занятый наблюдением за флангами, не успел среагировать и оказался повален на пол. Оба кубарем покатались по камням. Ошеломлённый командир уже хотел было оттолкнуть наглеца, но в этот момент два «стражника», оказавшиеся переодетыми мастерами Школы Каменной Гробницы, одновременно рухнули замертво. Тяжёлый стук тел о пол отозвался глухим эхом — мертвецы больше не шевелились. У каждого прямо между бровей глубоко засела дюймовая игла.

От внезапности происходящего Ван Чэн растерялся.

Вокруг воцарилась гнетущая тишина, которую внезапно прорезал низкий, густой голос, казавшийся вездесущим:

— Сумел уклониться от моих игл Чанъян? Кто ты такой?

Лу Силай наконец пришёл в себя. Человек, способный на такой бросок, точно не был дворцовым стражником — в мире боевых искусств это мастер первого ранга. Понимая, что его непровольная реакция могла выдать его с головой, Силай поспешно сложил ладони, извиняясь перед Ван Чэном, и зажмурился, изображая крайнюю степень испуга.

Ван Чэн, хоть и не до конца осознал механику случившегося, понял главное: Лу Силай спас ему жизнь. Глядя на скорчившуюся фигуру «бедного книжника», он быстро сообразил, что к чему,

и громко ответил в пустоту коридора:

— Я — Ван Чэн!

Увидев, что командир принял правила игры и решил его скрыть, Лу Силай облегчённо выдохнул.

Голос умолк. Командир и его невольный спаситель переглянулись, не зная, что делать дальше, как вдруг из внутренних покоев донёлся голос, который Силай узнал бы из тысячи:

— Линь Яньдун?

— Янь Шэнь? — Лу Силай вскинул голову.

Голос доносился из-за нарядных занавесей внутреннего зала. И хотя из-за колышущейся ткани самого Премьер-министра не было видно, Силая захлестнула волна чистой радости.

— Линь Яньдун, это правда ты? — снова позвал Янь Шэнь.

Лу Силай, отбросив всякую осторожность, вскочил на ноги и при поддержке Ван Чэна, припадая на раненую ногу, заковылял к покоям.

— Я! Это я!!

Слыша торопливые шаги, Янь Шэнь тоже не на шутку разволновался. Ладони, сжимавшие нефритовую дощечку, мгновенно вспотели. Но стоило шагам приблизиться к самому порогу, как старый Император за его спиной резко приказал:

— Ван Чэн, стой на месте!

Окрик заставил Лу Силая замереть. Он только сейчас осознал, что спас начальника стражи Ван Чэна. Силай в тревоге взглянул на спутника. Тот тоже замер, его кадык дёрнулся, а рука на эфесе меча мелко задрожала — казалось, он готов в любое мгновение оборвать чужую жизнь.

Убить или пощадить? Всё решал один миг.

Лу Силай настороженно следил за каждым движением Ван Чэна, кожей чувствуя холод невидимого лезвия. Но после недолгих, мучительных раздумий командир резко отвернулся и с тяжёлым металлическим звоном бросил меч на пол.

— Наставник Линь когда-то оказал мне милость. Я, Ван Чэн, готов принять смерть.

Силай нахмурился. Он не знал всех обстоятельств, но тот факт, что Ван Чэн даже перед лицом смерти продолжал покрывать его, вызывал невольное уважение.

Янь Шэнь, слышавший эти слова издалека, тоже нахмурился. Он знал, что Линь Яньдун и Наследный принц — враги не разлей вода, но когда это обычный книжник успел облагодетельствовать командира гвардии Восточного дворца?

Лу Силай немного подумал, нагнулся и поднял брошенный меч. Оружие воина оказалось неожиданно тяжёлым; чтобы просто вытащить клинок из ножен, пришлось приложить немало усилий. Сталь сверкнула в лучах заходящего солнца. Ван Чэн зажмурился, ожидая удара, и вскоре почувствовал, как на плечо легла холодная тяжесть металла.

— Ван Чэн, боишься смерти? — тихо спросил Силай.

— Нет.

— Родители живы? Жена, дети есть?

Мужественное лицо командира дрогнуло. Он ещё плотнее зажмурился, и его голос сорвался:

— Родители живы... и семья есть.

Едва он договорил, послышался резкий звук — Лу Силай рванул его одежду на плече, и в нос Ван Чэну ударил запах крови.

Лязг! Лу Силай отбросил меч в сторону.

— У каждого свой господин, я понимаю. Уходи.

Не дожидаясь ответа, Силай развернулся и, оставив спину совершенно беззащитной, решительно зашагал во внутренние покои.

Ван Чэн открыл глаза и долго смотрел в спину уходящему человеку. Он был настолько ошарашен, что даже не сразу почувствовал боль в плече. За целый месяц знакомства он, оказывается, ни разу не видел истинного лица этого «Наставника Линя».

Лу Силай откинул занавеси и вошёл в зал, но тут же отпрянул, поражённый открывшейся картиной. Он ожидал увидеть Янь Шэня, старого Императора и горстку верных чиновников, запертых в осаде. Вместо этого всё пространство было заполнено людьми. Помимо сотни

гвардейцев в парчовых халатах, основную массу составляли незнакомые лица — люди, явно не принадлежащие ни к чиновникам, ни к страже. По их осанке и манерам Силай мгновенно признал в них... мастеров боевых искусств?

От этой догадки его едва не хватил удар. Говорят, великие мудрецы скрываются при дворе, и он сам надеялся затеряться в толпе мелких коррупционеров, чтобы прожить остаток дней в покое. Но кто мог предсказать, что обычная дворцовая интрига превратится в чёртов съезд мастеров ушу! Почему?!

Пока он стоял на пороге, привлекая всеобщее внимание, перед ним, как спасительная стена, выросла тёмная фигура.

Лу Силай скользнул взглядом по красно-чёрному официальному халату вверх и, узнав Янь Шэня, мгновенно сориентировался. Он с отчаянным криком «Янь Шэнь!» бросился вперёд и уткнулся лицом в плечо Премьер-министра.

— Ты... Ты что творишь! — Янь Шэнь от неожиданности забыл все заготовленные вопросы и попятился. Но Лу Силай вцепился в него мёртвой хваткой и не думал отпустить.

— О-о-о, ты жив! Слава богам, ты цел! — запричитал он, не поднимая головы.

Под взглядами десятков людей по обычно бесстрастному лицу Янь Шэня разлился густой румянец. Он хмурился, но его сердце предательски таяло. В конце концов, Премьер-министр тяжело вздохнул и нежно погладил Лу Силая по растрёпанным волосам. Он решил, что бедный книжник за эти дни натерпелся ужасов, и теперь, увидев единственную опору, совсем потерял голову.

— Твои раны... как они?

Лу Силай, лихорадочно соображая, как ему теперь незаметно улизнуть, ухватился за этот вопрос как за соломинку:

— Совсем плохо! Янь Шэнь, мне нужно перевязать раны... помоги...

— Никакого сладу с тобой нет, — пробормотал Янь Шэнь с выражением лица заботливой матушки. Он хотел было подтолкнуть Силая к одной из боковых комнат, но тот держался за него как клещ.

Немного поднатужившись, Янь Шэнь просто поднял его на руки.

Оказавшись на полголовы выше министра, Силай испуганно спрятал лицо у него на шее, прикрываясь широким рукавом. При виде этого «страстного объятия» у всех в зале глаза полезли на лоб. Старый Император, сидевший на кровати, и вовсе подпёр подбородок рукой,

изумлённо наблюдая за сценой.

— Так вот оно что, — глубокомысленно протянул монарх, кивая сам себе. — У малыша Линя и Премьер-министра, оказывается, ТАКИЕ отношения.

К счастью, все присутствующие решили, что дело в излишней эксцентричности и пылкости чувств, и не заподозрили ничего иного.

Янь Шэнь, багровый до кончиков ушей, молча пронёс свою ношу в тихое, уединённое место. Он не отличался богатырским сложением, поэтому под весом довольно упитанного книжника шёл покачиваясь. Наконец он добрался до каморки, где обычно отдыхали дежурные евнухи, и уложил Силая на кровать.

Тот первым делом огляделся. Комната была скромной, обстановка — почти спартанской, но единственное окно было плотно закрыто. Только тогда Лу Силай наконец успокоился.

— И вправду так сильно скучал? — раздался тихий голос прямо у его уха.

Дыхание опалило кожу, и Силай вздрогнул. Повернув голову, он увидел Янь Шэня: тот смотрел на него в упор, его чистое лицо всё ещё пылало румянцем, а в глазах читалась надежда на ответ.

Пока Силай подбирал слова, Янь Шэнь наклонился и запечатлел на его лбу короткий, нежный поцелуй. Отстранившись, он ласково убрал чёлку с лица Лу Силая. Тот прикрыл глаза, внезапно вспомнив один безмятежный день в поместье Премьер-министра: когда он почёсывал подбородок кошки Яньнань, та так же довольно щурилась и склоняла голову.

Оказывается, это чувство было чертовски приятным.

Янь Шэнь, глядя на его блаженную мину, невольно улыбнулся:

— А я ведь думал, что сегодня наступит мой смертный час... Всё висело на волоске.

Лу Силай вспомнил странную толпу в зале и нахмурился:

— Точно, Янь Шэнь... Что вообще происходит? Кто все эти люди снаружи?

— Снаружи — люди старого князя Нинъяна, — ответил министр, потянувшись к поясу Силая, чтобы развязать его.

Тот в испуге перехватил его руки:

— Я не про тех, что из Школы Каменной Гробницы! Я про тех, кто здесь, внутри.

— Это тоже люди князя Ниньяна.

— Что?..

— Я и сам до конца не понимаю. Те, что снаружи — Школа Каменной Гробницы, личная гвардия князя. А те, что в зале — мастера из дворца Цзиньян из столичных предместий. Говорят, пришли отплатить князю за старую милость. Император, должно быть, знает больше.

Янь Шэнь мягко отстранил руки Силая и подложил ему под бок подушку.

— Доставай лекарство. Ложись на живот.

Тут Лу Силай вспомнил, что использовал раны лишь как предлог. Но перспектива в очередной раз сверкать голым задом перед Премьер-министром его совсем не радовала. Он пошарил в рукавах и с невинным видом произнёс:

— Ой... пропало. Видно, потерял, когда Ван Чэн меня сюда тащил.

Янь Шэнь не заподозрил подвоха. Он лишь вздохнул и поцеловал Лу Силая в переносицу.

— Ладно, потерпи. Когда всё закончится, лекарь выпишет хороший рецепт, подлечим тебя как следует.

Не зная, чего ждать от мастеров Школы Цзиньян, Силай поспешно добавил:

— Тогда я лучше здесь посижу, не буду выходить.

— И то верно, — согласился Янь Шэнь.

Он поднялся и вышел, но вскоре вернулся с медным тазом, полным чистой воды.

Лу Силай смотрел на него во все глаза: «Неужели Янь Шэнь сегодня сам не свой?» Министр заботливо обтёр ему лицо влажной тканью, поправил одеяло и вообще порхал вокруг с таким усердием, что у Лу Силая внутри всё затрепетало от нежности.

Словно он действительно женился на необычайно добродетельной и любящей супруге.

Пока Силай с глупой улыбкой наблюдал, как Янь Шэнь развешивает мокрую ткань, тот вдруг

обернулся и подошёл к кровати.

— Подвинься немного, — негромко сказал министр.

Лу Силай замер, не веря своим ушам. А когда увидел, что Янь Шэнь присел на край и начал снимать свой официальный головной убор, почувствовал, как кровь прилила к лицу. Кажется, сейчас он всё-таки не выдержит.

<http://bllate.org/book/17426/1698074>